

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ,
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

V Международной научно-практической конференции

г. Новосибирск, 26 января, 25 февраля 2016 г.

Под общей редакцией
кандидата экономических наук С.С. Чернова

НОВОСИБИРСК
2016

ББК 65я431
УДК 330.101.20
С 69

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Арутюнян О.К., профессор кафедры «Публичное управление» Академии государственного управления Республики Армения (Республика Армения, г. Ереван), доктор экономических наук, профессор – *председатель*.

Чернов С.С., заведующий кафедрой Производственного менеджмента и экономики энергетики Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск), руководитель ЦРНС, кандидат экономических наук, доцент – *зам. председателя*.

Широков А.И., ректор Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан), доктор исторических наук, доцент.

Минакова И.В., заведующий кафедрой Мировой и национальной экономики Юго-Западного государственного университета (г. Курск), доктор экономических наук, доцент.

Ставринова Н.Н., начальник отдела магистратуры, профессор кафедры Педагогического и специального образования Сургутского государственного педагогического университета (г. Сургут), доктор педагогических наук, доцент.

Шигуров В.В., заведующий кафедрой Русского языка Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (г. Саранск), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Мордовия.

Матвеева Е.В., доцент кафедры Политических наук Кемеровского государственного университета (г. Кемерово), доктор политических наук, доцент.

Мингалева Ж.А., заведующая кафедрой Национальной экономики и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), доктор экономических наук, профессор.

Гончаров В.Н., профессор кафедры Философии и культурологии Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь), доктор философских наук, доцент.

Куйбокова Р.Х., заведующий кафедрой Экономической теории и предпринимательства Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик), кандидат экономических наук, доцент.

С 69 **Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика: сборник материалов V Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова.** – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. – 150 с.

ISBN 978-5-00068-469-6

В сборник вошли материалы секций: «Социально-экономические исследования», «Социальная структура, социальные институты и процессы», «Социальные коммуникации и организация социальной работы», «Теория и методика педагогики. Современные образовательные технологии», «История и политические процессы современности», «Общая психология и психология личности», «Философия глазами современника», «Юриспруденция: вопросы российского и международного права».

Все материалы публикуются в авторской редакции.

Сборник материалов МНПК зарегистрирован в РИНЦ и размещен на сайте Научной электронной библиотеки elibrary.ru по адресу: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=54996 (договор на размещение материалов конференции в РИНЦ № 503-07/2015 от 29.07.2015).

**ББК 65я431
УДК 330.101.20**

ISBN 978-5-00068-469-6

© Коллектив авторов, 2016

4. Гражданское право. Т. 3 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2012. – 964 с.
5. Гражданское право: в 4 т. Т. 4: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 720 с.
6. Кузнецова Л.В. Спорные вопросы деликтной ответственности // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2010.
7. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 951 с.
8. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные немущественные права / отв. Ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010. – 843 с.

НЕОКАНТИАНСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО ИДЕАЛА (РУДОЛЬФ ШТАММЛЕР)

© Шавеко Н.А.*

Московский государственный университет, г. Москва

Рассматриваются методологические основы учения Рудольфа Штаммлера о правовом идеале, выявляются особенности неокантианского подхода к проблеме правового идеала.

Ключевые слова: Рудольф Штаммлер, неокантианство, правовой идеал, априоризм.

Рудольф Штаммлер (1856-1938) – немецкий юрист, философ, представитель Марбургского неокантианства, основоположник теории «возрожденного естественного права», известный, прежде всего, своим оригинальным учением о социальном (правовом) идеале и соответствующем ему «правильном праве».

Философию права Р. Штаммлера следует, несомненно, причислить к неокантианской. От И. Канта Штаммлер заимствует основы метафизики нравов: разграничение сущего и должного (мира природы и царства свободы), попытку рассмотреть долженствование как всеобщее и независимое от опыта, идею самоценности личности и равенства людей, характер различий права и морали.

По философским основаниям правового учения Штаммлера справедливо относят к Марбургской школе [6, с. 368]. Свой фундаментальный двухтомный труд «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания

---

* Аспирант кафедры Теории государства и права и политологии.

истории» Р. Штаммлер посвящает своему «дорогому другу П. Наторпу», известному представителю марбургского неокантианства, и уже с первых строк дает понять о своей принадлежности к той же школе. Его общий тезис таков: «Общезначимые понятия и учения не являются результатом простого сложения или обобщения установленных частных фактов. С объективной точки зрения, дело обстоит не так, что первоначально мы имеем в сознании отдельные ... факты, которые можно было бы установить обособленно, как нечто само по себе сущее, которые можно было бы затем расширить, придать им большие размеры и обобщить... Наоборот, всякое *научное* определение частных данных достигается только путем подведения многообразного материала под общее построение, согласно определенному методу» [17, с. 12]. Таким образом, понятие оказывается первичнее факта, а факты – понятийно нагруженными (предмет познания не дан, а задан).

В соответствии с указанным положением Штаммлер выделяет генетический и систематический способы изучения явлений: если первый предполагает простое описание феноменов и их происхождения, то второй означает объяснение их сущности, познание их общей закономерности [18, с. 83-87]. При этом (генетическому) описанию феноменов логически предшествует изначальное (систематическое) выделение указанных феноменов: невозможно изучать что-либо, не обозначив четко предмет изучения.

Штаммлер выделяет два вида закономерностей: причинные и телеологические, оба из которых познаются исключительно систематически, и второй вид закономерностей кладет в основу учения о правовом идеале и «естественном праве с меняющимся содержанием» [20, с. 177-187]. Согласно данному подходу, правовой идеал не должен зависеть от того, что существует в данный момент, имело место в прошлом или появится в будущем, поскольку представляет собой лишь своеобразную мерку, с которой подходят к уже существующему, либо прошлому и будущему. Так же, как неспособность установить точно причинную связь не говорит об отсутствии последней (ибо причинность изначальна презюмируется в научном исследовании), так и отсутствие идеального права не говорит об отсутствии абсолютного идеала права. Штаммлер убежден, что, изучая разрозненные исторические данные социальные феномены, невозможно ответить на вопрос о справедливом праве: «Кто хочет испытать, *правомерно* ли социальное стремление и *необходимо* ли его осуществление, – пишет он, – тому не нужно знать, каким образом возникло данное течение в исторических условиях» [18, с. 86]. Таким образом, противопоставление своего учения о меняющемся естественном праве предшествующим естественно-правовым взглядам Штаммлер осуществляет с помощью неокантианской методологии. Обоснование правового идеала – «общества свободно хотящих людей» – происходит у Штаммлера именно систематическим методом. Указанный метод здесь призван доказать, что каждый, кто признает существование объективного понятия

справедливости, должен признать и соответствующее объективно ведущее к нему правило.

Однако здесь необходимо подчеркнуть наличие в неокантианской среде дискуссий относительно методологических вопросов. Известный баденский неокантианец В. Виндельбанд выделял генетический и критический методы, изучающие соответственно происхождение и обоснование феноменов [2, с. 262]. Немецкий философ говорил о наличии некоторых аксиом (априорных синтетических суждений), которые суть правила представления, воления и чувствования. Эти аксиомы обладают «непосредственной очевидностью», и не могут быть доказаны, так как сами представляют собой последнее звено в цепи доказательств. Если же их нельзя доказать, то можно показать либо их фактическую значимость (генетический метод), либо раскрыть их необходимость для достижения «конечных целей» – истины, добра и красоты (критический метод) [2, с. 263-268]. Подобная общая классификация двух методов представлена и в работах Штаммлера, но с двумя уточнениями. Во-первых, будучи юристом и философом права, Штаммлер совершенно не касается вопроса применения неокантианской методологии к чувствованию (эстетике), и проводит некоторые аналогии лишь с истиной (акцентируя внимания больше на причинности как условии познания, чем на логике в широком смысле как на критерии истинности). Во-вторых, Штаммлер говорит именно о систематическом характере метода, в то время как «критическая философия Марбургской школы полагает, что для определения критического метода недостаточно сказать, что он в отличие от генетического есть систематический» (В.А. Савальский) [11, с. 11].

Более явное сходство со взглядами Виндельбанда проявляется у Штаммлера в другом аспекте. По мнению лидера Баденской школы неокантианства релятивизм, пытаясь обосновать свою правоту, опирается на те же предпосылки, которые сам отрицает, представляется заслуживающим внимания. «Поэтому, – пишет Виндельбанд, – и не существует действительно серьезной научной теории релятивизма» [2, с. 275]. В согласии с этим Р. Штаммлер верно замечает, что человека, совершенно отрицающего добро или истину, систематический метод убедить не может [18, с. 30-31]. Однако такую позицию, пишет ученый, занимают очень не многие, ведь если человек хочет отказаться от понятий истины и добра, то он вынужден отказаться и от всякого участия в суждениях об истинном и ложном, правильном и неправильном [18, с. 32].

Как верно отмечал Г. Радбрух, критическая философия И. Канта нанесла решающий удар по классическому юснатурализму XVII-XVIII вв., поскольку именно кантианская философия своим базовым постулатом определила принципиальную несводимость «должного» (прескриптивного) к «сущему» (дескриптивному) и логическую невыводимость «должного» из «сущего» (парадокс Юма) [10, с. 297-298] Отсюда возникает проблема обоснования должного. Согласно Канту, «должное» – это особая доопытная (апри-

орная) сфера, сознаваемая человеческим разумом и не зависящая от «сущего», то есть природы и общества; право, в том числе и естественное, лежит в сфере «должного», и принципиально не может быть детерминировано «сущим» [8, с. 207]. Таким образом, Кант обосновывает самостоятельность этической сферы, ее независимость от любого внутреннего и внешнего опыта, и – тем самым – объективность нравственных предписаний. В этом неокантианцы видели главную заслугу кенигсбергского философа [12, с. 589].

Кант полагал, человек как разумное существо способен рассматривать явления окружающего мира двояким образом: во-первых, с точки зрения детерминизма (причиной любого явления природы служит другое, предшествующее ему, явление), и во-вторых, с точки зрения свободы (причиной является сам человек, который преобразует мир в соответствии со свободно устанавливаемыми целями) [3, с. 336-339].

Аналогичным образом Штаммлер пишет: «когда я представляю себе предполагаемые к совершению действия, которые будут произведены мною, я могу представлять их *двояким образом*: я могу видеть в них или *причинно обусловленное* явление внешней природы, или явления, по отношению к которым действующей *причиной являюсь я сам*» [18, с. 6].

Речь при этом идет не о том, что психика человека, испытывая влияние каких-либо факторов, сама становится фактором дальнейших событий и действий, то есть не о выделении особой психологической причинности. Как известно, Кант назвал психологическое понятие свободы лишь «жалкой уверткой» тех, кто пытается совместить несовместимое. С этих позиций Р. Штаммлер критикует взгляды Р. Иеринга который «прибег к старому различению между *механической и психологической* причинностью, причем эту последнюю он подчинял особому высшему понятию закономерности» [18, с. 9]. Для Штаммлера такое разграничение достаточно условно (многие неосознанные действия живых существ могут быть описаны с точки зрения как механики, так и психологии), и лишь показывает две относительно самостоятельные области применения закона причинности. Психологическая (равно как и социально-экономическая, политическая) причина, однако, еще не есть цель: последняя исключает всякую причинную (эмпирическую) обусловленность, пусть в мире опыта последняя и царит бескомпромиссно [18, с. 9-10].

По мнению Штаммлера, точно так же, как причинность является условием всякого опыта, свобода – это условие всякого суждения о должном [18, с. 16-17, 24-25]. (Ученый, однако, не уточняет, что в той же степени свобода является условием всякого суждения об истинном и прекрасном). На фундаментальном положении о возможности и обоснованности телеологии как науки о свободном целеполагании, независящем от сущего, Штаммлер и развивает свое учение о правильном праве (социальную телеологию), то есть применяет вышеизложенную идею «мира свободы» не к логике, эстетике или этике (в узком смысле), а к вопросу справедливости.

Штаммлер полагает, что точно так же, как суждения о сущем *объективно* делятся на истинные и ложные, суждения о должном могут быть *объективно* расценены как правильные или неправильные [18, с. 20-21]. Он не касается здесь сложного вопроса о различных концепциях истины (корреспондентская, конвенциональная, прагматистская, когерентная и др.) и добра (консеквенциональная этика, этика долга и др.), относительности самих этих понятий. Однако он утверждает, что идеи истины и добра, как бы ни были они несовершенны, являются необходимым условием познания и оценки действительности. «Таким образом, содержание познавательной истины и морального учения может подвергаться изменениям и улучшениям. Но что не может быть изменено, – это идея истины вообще и блага вообще» [18, с. 27, 135-139, 145]. Иными словами, Штаммлер присоединяется к разделяемой другими неокантианскими философами права точке зрения, что как истина, так и добро находятся не вне нас, а внутри нас [13, с. 87]. Важным здесь представляется подчеркнуть, что неизменны именно идеи, а не конкретные понятия истины и добра (понятия, в отличие от идей, представляют собой, в сущности, абстрактные формулировки способов достижения истины и добра, и поскольку эти формулировки несовершенны, постольку они и изменчивы). Другой немаловажный факт, на который часто обращают внимание, что «понятие *a priori* отнюдь не есть прирожденное понятие (*idea innata*). Критическая философия Канта вообще не знает прирожденных понятий» [11, с. 49].

По Канту, свобода – это полная независимость от всякого индивидуального желания, это тотальная объективность разума (иначе речь бы шла не о свободной, а о причинно-обусловленной постановке целей). Отсюда он выводит общезначимый категорический императив, не зависящий от чувств и склонностей людей, и соблюдаемый исключительно ради него самого. Кант отмечает, что высший принцип нравственности не следует искать в природе [5, с. 74]. Таким образом, важнейшим элементом этики Канта (своеобразным «коперниканским переворотом» в области этики), воспринятым неокантианцами, является переход от критерия «всеобщей воли» к критерию «априорной (самозаконной) воли» [16, с. 72]. Главная черта нравственного закона по Канту – его самозаконность, то есть независимость от внешних условий, в том числе от того, осуществится ли данный закон на практике. Свободная воля при этом является у Канта одновременно доброй волей.

Тем же путем Штаммлер пытается развивать свое учение о правильном праве. Он полагает, что свобода, позволяющая человеку устанавливать самому себе нормы, «не может означать свободу от закона причинности в сфере эмпирически данных явлений, потому что такая мнимо-свободная причина совершенно непонятна с точки зрения научного познания явлений. Свобода означает только свободу от субъективности *целеполагания*» [18, с. 24]. Поскольку этико-правовая сфера связана с понятием воли, Штаммлер добавля-

ет: «Воля, как представление о подлежащем созданию результате, полагает свой объект вне рамок ранее познанного опыта, вне необходимого ряда причин и следствий» [18, с. 22]. Таким образом, общий регулятивный принцип права, по Штаммлеру, должен быть познан чисто умозрительно (априорно).

Вследствие сказанного, как верно утверждал П.И. Новгородцев, упреки в адрес классических естественно-правовых систем со стороны исторической школы права, связанные с попытками выработать вечные и идеальные «кодексы», не могли затронуть учения Канта [9, с. 148]. Понятие естественного права, замечал Б.А. Кистяковский, было для Канта в практической области лишь регулятивной идеей [6, с. 387]. В юридической литературе также справедливо отмечается, что «понимание естественного права с изменяющимся содержанием можно выводить непосредственно из теории Канта. Вместе с тем, признание за требованиями изменчивого характера еще не решает теоретического вопроса о происхождении и содержании предписаний естественного права» [16, с. 74-75]. Этот вопрос остался в этике Канта неразрешенным, что и стало предпосылкой разработки неокантианских правовых учений. Одно из таких правовых учений и разработано Р. Штаммлером.

Несмотря на то, что Штаммлер уделяет значительное внимание разработке неокантианской методологии применительно к проблеме правового идеала, его подход к указанной проблеме подвергся суровой критике, в том числе со стороны представителей неокантианства. Несмотря на данную критику, следует согласиться с П.И. Новгородцевым в том, что Штаммлер убедительно показал необходимость строить общественный идеал на основе телеологического, а не каузального подхода. По мнению отечественного ученого, именно этой цели служила штаммлеровская концепция «закономерности воли», и с этой целью она успешно справилась [9, с. 96].

Неокантианская этическая традиция утверждает, что «мы добиваемся осуществления наших идеалов не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять их повелительно требует от нас и от всех окружающих нас сознанный нами долг» (Б.А. Кистяковский) [7, с. 135]. Возможность достижения чего-либо еще не говорит о моральной правильности, категорией возможности можно оправдать что угодно [7, с. 86]. С другой стороны, в рамках данной традиции важным является положение, согласно которому безусловно невозможное и неосуществимое не может быть и долженствующим (П.И. Новгородцев). Полагаем, что поскольку никогда нельзя быть до конца уверенным в том, что тот или иной исход событий *эмпирически* невозможен, постольку речь здесь должна идти лишь о *логической* (а потому и принципиальной) невозможности, которая не налагает существенных ограничений на социальный идеал. В то же время, анализируя позицию Р. Штаммлера по указанному вопросу, следует отметить, что последний сравнивает правовой идеал с «путеводной звездой», которая указывает кораблям направление, но сама остается в любом случае недостижимой [18, с. 253, 266, 273].

Именно так можно интерпретировать утверждение Штаммлера, что всякое право есть лишь попытка достижения правильного [19, с. 19]. По нашему же мнению, хотя для социального идеала и не важно, достигим ли он на практике, это не означает еще его принципиальную недостижимость (не следует намеренно делать идеал утопичным). Более обоснованной является точка зрения, согласно которой если идеал и достигим, то только в отношении конкретных обстоятельств места и времени. Нам представляется продуктивным оставить вопрос об *эмпирической* достижимости социальных идеалов (в том числе и штаммлеровского «общества свободно хотящих людей») в стороне: учету должна подлежать лишь *логическая* непротиворечивость идеи. Проводя критический метод Канта до конца, при формулировке социального идеала следует отстраниться от всякой эмпирии.

По вопросу о роли эмпирии для социального идеала нам представляется необходимым сделать также следующие уточнения. «Большинство представителей критической философии справедливо полагали, что нравственные законы должны осуществляться в конкретных отношениях» [15, с. 8]. Как верно отмечал В. Виндельбанд, критический метод нуждается в опыте для того, чтобы сформулировать априорные принципы по отношению к опыту [2, с. 285]. Новгородцев П.И., в свою очередь, заметил, что кантовская «идея всеобщего долженствования предполагает уже *многих* деятелей» [9, с. 106].

Одновременно П.И. Новгородцев видел главный недостаток «Критики практического разума» И. Канта в том, что мораль в ней берется вне своей жизненной стороны, «как чистый закон разума, не только не требующий, но и не допускающий никакого сочетания с опытом и остающийся на степени отвлеченного начала» [9, с. 106]. Впрочем, и сам Кант признавал, что из «практического разума не могут быть выведены содержательные юридические положения» [14, с. 15]. По мнению П.И. Новгородцева, именно такие мыслители, как П. Наторп и Р. Штаммлер, сохранив кантианскую методу, смогли установить связь между нравственной идеей и миром опытных целей, чего не доставало самому Канту [9, с. 149].

Речь идет о часто дискутируемой в научной литературе критике моральной философии Канта Гегелем. Гегель убеждал, что «с помощью нравственного закона можно лишь производить аналитические суждения, но нельзя обосновать ценности и значимость конкретного факта. Более того, бессодержательная формула нравственного закона может включать в себя любую частность или моральную случайность, что вообще приведет к безнравственности. Таким образом, по учению Канта, моральный мир замыкается в субъективную моральность, внешняя закономерность поступков (объективная легальность) остается индифферентной нравственности [13, с. 205]».

Вопреки изложенному, В.А. Савальский считал надуманной проблему, что категорический императив, направленный на внутренние мотивы, не способен дать социального учения. По мнению ученого, категорический импера-

тив у Канта вторичен, а первичен сам формальный принцип, который можно успешно провести и в правовую сферу [11, с. 38]. В то же время, ученый писал: «Очевидно, что этика настроения, имеющая в виду чистоту мотивов волеопределения, свободное хотение (*wolle frei*) является по существу дела слепой. Она не может определить предмета свободного желания... Она находит поэтому свое необходимое восполнение в этике действия» [11, с. 119].

Проблема, по нашему мнению, заключается не столько в том, что категорический императив должен предоставлять нам модель поведения, а не только правило внутреннего воления, а в том, что в конкретной ситуации всегда наличествуют факторы, которые приводят к тому, что поступок, правильный для одного, будет неправильным для другого. «Например, в ситуации автомобильной аварии полицейский и врач должны действовать по-разному, основываясь на требованиях универсальности. Полицейский не должен оперировать, а врач – регулировать движение транспорта. Для них универсальное требование будет иметь вид, соответственно, «выполнил долг врача в ситуации автомобильной аварии» и «будь полицейским в ситуации автомобильной аварии» [4, с. 460]. Но в чем заключается критерий того, что мы находимся в одной и той же ситуации, и на основе каких факторов происходит разграничение обязанностей различных лиц в данной ситуации? Учение Штаммлера о правовом идеале представляет собой одну из попыток решить указанную проблему, и в этом отношении идет дальше кантианской моральной философии.

В заключение констатируем, что учение Штаммлера о правовом идеале основано на неокантианском разграничении сущего и должного, необходимости и свободы, причинности и цели, генетического и критического метода, постулировании абсолютного долженствования. Штаммлер последовательно провел указанную методологию в область права, тем самым указав на возможность абсолютной идеи справедливости и на возможность ее научного исследования.

Список литературы:

1. Аннерс Э. История европейского права. – М.: Норма, 1996.
2. Виндельбанд. В. Критический или генетический метод? // В. Виндельбанд // Философия культуры: Избранное. – М.: ИНИОН, 1994.
3. Гайденко П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой: учебное пособие для вузов. – М., 2000.
4. Гилье Н., Скирбекк Г. История философии. Введение в философские корни современности. – М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2008.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Основы метафизики нравственности. Критика чистого разума. Метафизика нравов. – СПб.: Наука, 2007.

6. Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве / Б.А. Кистяковский // *Избранное: в 2-х ч. Ч. 1.* – М.: Росспэн, 2010.
7. Кистяковский Б.А. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем / Б.А. Кистяковский // *Избранное: в 2-х ч. Ч. 1.* – М.: Росспэн, 2010.
8. Михайлов А.М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. – М.: Юрлитинформ, 2013.
9. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1901.
10. Радбрух Г. Философия права. – М.: Международные отношения, 2004.
11. Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. – Т. 1. – М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909.
12. Трубецкой Е.Н. Новое исследование о философии права Канта и Гегеля // *Вопросы философии и психологии.* – Кн. 1 (61). – М.: 1902.
13. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. – М.: Юркомпани, 2013.
14. Фролова Е.А. Правовая теория И. Канта // *Право и государство: теория и практика.* – 2013. – № 7.
15. Фролова Е.А. Принцип этического идеализма в неокантианской философии права // *Право и государство: теория и практика.* – 2013. – № 8.
16. Фролова Е.А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // *Вестник Московского университета Серия 11. Право.* – 2013. – № 2.
17. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. – Т. 1. – СПб.: Начало, 1907.
18. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. – Т. 2. – СПб.: Начало, 1907.
19. Krahmer H. Rudolf Stammers Sozial-Philosophie. – 1907.
20. Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. – Berlin, 1902.